реально объясняет успех событий, подчеркивая самоотверженность тихвинцев.

Посягательства шведов не прекратились после сентября 1613 г. Они продолжались в течение 1614—1617 гг., вплоть до Столбовского мира, и нашли отражение как в сказаниях, так и в 23-м клейме иконы. В нем передан момент, когда, опасаясь нашествия шведов, «хотящи священницы икону взяти» и унести из обители, но не могли ее «подвигнути с места». Здесь же «безвоинственная» победа над шведами, которые в страхе и трепете отступают в непроходимые леса, где гибнут.

Героическая оборона Тихвина рассказана очень свободно художником, внесшим много личного в осмысление этих событий, обобщившего исторический материал и передавшего самое главное — стойкость и мужество его защитников.

24-е чудо — это последний эпизод, которым заканчивается как «Сказание», так и икона 1680 г. Он связан с периодом мирной жизни Тихвинского монастыря и предшествует тому бедствию, которое приходится на 29 июня 1623 г., когда пожаром были уничтожены многие строения монастыря. В это время произошел взрыв колокольни, в помещениях которой хранился порох.[77]

В сказаниях центральное место занимает явление Макария Унжинского юродивому Никите, а также предсказание святого, сообщившего о надвигающемся бедствии. Описание этих сцен изобилует бытовыми подробностями и уточнениями.

В иконе художник дает иное восприятие сюжета. В центре клейма вид монастыря. Постройки посада, небольшие деревянные избы на высоких подклетях, типичные для севера, теснятся, окружая обитель. Сцена явления Макария Унжинского отнесена в глубь клейма, она видна лишь при очень близком рассмотрении. Художник подчеркивает, что все свершается за пределами монастыря, но лишенный конкретности эпизод, связанный с чудесным перенесением святого Макария к церкви Пантократора, он передает иначе. Это видение, поразившее Никиту и описанное подробно в «Сказании» («Яко во мгновение ока далече обретеся от него»), выражено просто, без всяких умозрительных заключений и фантастических ассоциаций. Привычная, уютная шатровая церквушка заменила образ, лишенный для художника реальности, еще больше связывая все с этим местом, которое прославляет повествование.

Сказание о чудесах иконы Тихвинской богоматери ожило под рукой этого замечательного живописца. Оно приобрело большую цельность, законченность. Давно прошедшему художник сообщает характер недавно случившегося, и все повествование настолько изобилует характерными для XVII столетия подробностями, что трудно представить его связь с временами, отдаленными от живописца столетиями. Как иллюстратор художник стремится достичь наглядной ясности в передаче сюжета, но также очевидно, насколько не сковывает он себя текстом, насколько свободен в трактовке действий, с какой легкостью он вносит свои дополнения, помогающие все оживить, сделать многоречивее.

По мере развития «Сказания» усложняется рассказ, в который входит все больше подробностей, сопровождающих основное действие. И так же в иконе: от свободных композиций первых клейм, где есть пространство и пейзажные фоны, художник переходит к более сложным решениям, связанным с многоплановым действием. Этот переход происходит постепенно,

---

[77] См.: Историко-статистическое описание Тихвинского богородицкого большого мужского монастыря, стр 145.